

В 1937-1938 гг. наш курс защищал дипломные проекты. Среди моих коллег были Леонид Погожев, Валентин Фридьев, Орест Солодчин и др. Инженеры, окончившие ХПИ в разные годы, разъехались буквально по всему миру и были на хорошем счету в тех фирмах, где работали. Например, Юрий Васильевич Каунов работал в Сингапуре и Шанхае, Александр Георгиевич Сакович — в Сингапуре, затем в США, Михаил Алексеевич Матковский в 1935-1945 гг. руководил русским участком КВЖД, позднее жил и работал в Хабаровске, Андрей Самуилович Вальс — в Циндао и Ташкенте.

Когда в 1933-1934 гг. строился харбинский Св.-Алексеевский храм, выпускник ХПИ Михаил Васильевич Карбышев был техническим руководителем строительства, которое осуществляли подрядчики — мои отец и дядя: братья Павел и Флор Степановичи Маркизовы. Василий Георгиевич Мелихов был руководителем строительных работ на харбинском фанерном заводе бр. Лидделл (в период войны японцы называли завод «Хэйва-иоко»), там же работал и другой выпускник ХПИ Дмитрий Васильевич Родин. Мне довелось там в 1944-1945 гг. выполнять подрядные работы. Павел Евсеевич Кравченко, Николай Генрихович Менниг, Борис Павлович Стоянов работали в инженерном департаменте Харбинского муниципалитета.

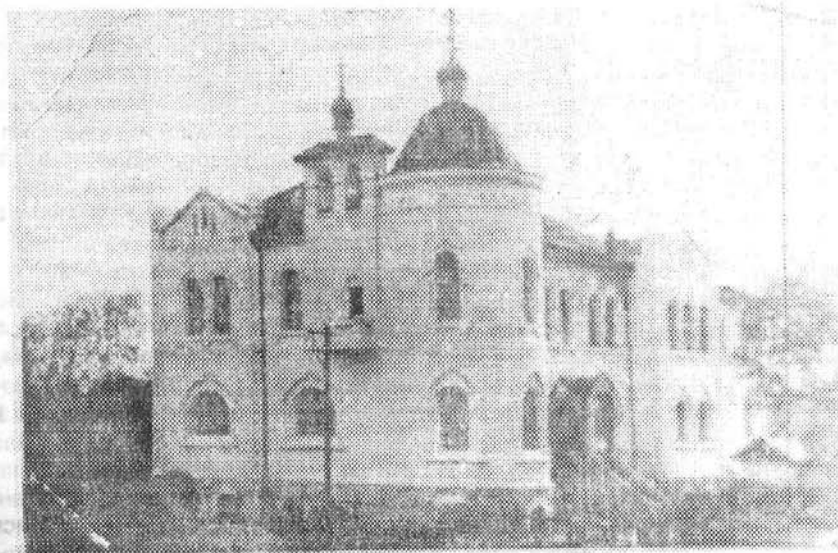
Теперь ХПИ преобразован в Научно-технологический университет, построены новые корпуса, выпускает инженеров 59 специальностей. По численности студентов он стал вторым в Китае после «Цинхуа» в Пекине. Датой своего основания вуз справедливо считает 9 сентября 1920 г.

Газета «На сопках Маньчжурии» сообщала о том, что между Новосибирским электротехническим институтом и Научно-технологическим университетом в Харбине достигнута договоренность об обмене студентами и выпускники получили по два диплома, россияне освоили китайский язык, а китайцы — русский. Так что эксперимент вполне удался.

ЛИЦЕЙ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Г. Б. Разжигов

В разговорах и в прессе последних лет среди харбинских школ не упоминается Лицей Александра Невского, в котором я учился со дня его открытия и закончил в последний год его существования. Лицей был открыт в 1946 г. на базе Русского дома благодаря усилиям Владыки Нестора, как училище с православным уклоном и находился под патронажем Мо-

сковской Патриархии. Была установлена десятилетняя программа обучения, утвержденная Министерством просвещения РСФСР для вновь организованных советских школ в Харбине. Наряду с ней были и дополнительные богословские предметы, начиная с Закона Божьего и катехизиса.

Основной состав учащихся был из Русского дома и закрывшейся Духовной Семинарии, что была при Алексеевской церкви в Модягоу, а также из воспитанников Серафимовского приюта при Иверской церкви на Пристани, существование которых после 1945 г. по понятным причинам было невозможным.

Первым директором Лицея был Кузьма Иосифович Найлович с богатым педагогическим опытом. Он же преподавал у нас латынь. Его глубоко уважали лицеисты, несмотря на повышенную требовательность и строгий спрос. Нам повезло, что К. И. Найлович по приезду в Россию проживал в Челябинске и поддерживал связь с нами и с лицеистами из других городов. Навсегда запомнится общение с этим мягким, умным, внимательным и отзывчивым человеком с добрым взглядом. Он умер скоропостижно в возрасте 80-ти лет и, провожая его в последний путь, не сговариваясь, несли крышку гроба два лицеиста — Сергей Комендант и я.

Учиться в Лицей я пришел из Харбинской Духовной Семинарии, в которую меня отдали родители в 1944 г. после того, как в школе К. П. Чесноковой стали читать в белых перчатках Манифест японского императора — это было время борьбы православной церкви с навязываемым японским язычеством (поклонение богине Аматерасу и т. д.). Учащиеся Лицея разделялись на постоянно проживающих в нем мальчиков и проходящих, к которым относился я.

Только сейчас понимаю, с какими неординарными педагогами и людьми были связаны наши школьные годы в Лицее. Это был и о. Алексей Горелкин, преподававший Закон Божий, а затем катехизис, с печалью наблюдавший как утрачивались законы христианства в нас. Это был и о. Иоанн Брынских, и Борис Николаевич Зайцев, вложившие во многих из нас математическое мышление.

Лицей и атмосфера, царившая в нем, позволили создавать сильные спортивные команды по футболу, по баскетболу, по волейболу. На школьных спортивных олимпиадах города, проводимых ежегодно, наши команды занимали первые места, так было по футболу в 1950 г. и по баскетболу в 1951 г., в другие годы выходили на вторые места. Развита была и легкая атлетика.

Был в Лицее и струнный оркестр. Одно время руководителем его был мой отец, Борис Иванович Разжигаев. Увлеченный и влюбленный в струнные ансамбли еще с ученической поры, когда был учеником Реального училища в г. Маньчжурия, он с интересом занимался и вовлекал нас. Мы не имели врожденного музыкального и технического мастерства, но тем не менее оркестр любили и успешно выступали на лицейских вечерах. Интересна была система обучения игры на различных инструментах. Выдавались листы с тремя линейками (по числу струн) с тактами, а вместо нот были цифры, нумерующие лад. По таким партитурам любой человек без музыкального образования начинал играть чуть ли не на второй день. Через неделю появлялся слаженный оркестр. Так я научился играть на домре альт, соло у нас неизменно была балалайка, помню, как Федя Тихов ударял по струнам контрабаса. Как правило, исполняли репертуар Андреева, возродившего балалайку в начале века.

За время своего существования в Лицее было пять выпусков. Помню ребят, с которыми дружил из предыдущего, четвертого выпуска, окончивших Лицей в 1950 г.: Александра Дикарева, Бориса Кочетова, Евгения Протоковца и Федора Тихова — все они учились в ХПИ. Состав класса, в котором я учился, все годы постоянно изменялся, временами он доходил до 20 учеников, но окончил нас в 1951 г. только 7 человек: Алексей Баранов, Валентин Иващенко, Анатолий Лукин, Александр Пилюшенко, Всеволод Устинов, Никита Чакиров и я, Глеб Разжигаев. Это был последний пятый выпуск Лицея, в том же году его закрыли. Учащиеся, проживающие в нем, были переведены в интернат и на учебу во II среднюю школу в Модягоу.

Знания, полученные во время обучения в Лицее, дали возможность всем желающим без труда сдать вступительные экзамены в ХПИ и получить высшее образование. Наш выпуск почти в полном составе проживает в России и с удовольствием читает письма Алексея Баранова из Калифорнии, разыскавшего всех нас через газету «На сопках Маньчжурии».

А жизненный путь многих наших преподавателей и выпускников Лицея еще требует полного и подробного освещения. Может быть кто-то из выпускников Лицея вспомнит моменты и казусы нашей жизни, так как все мы были в то время молоды, веселы, остроумны и любили щеголять тонким юмором.

ЗАПИСКИ ОДНОГО ЛИЦЕИСТА

С. В. Комендант

Интересная жизнь была в Лицее Александра Невского. Во-первых, нас приучали к определенному распорядку, к ответственности. Во-вторых, нам прививали все хорошее — честность, добросовестность, уважение друг к другу.

Прежде всего, надо сказать слова благодарности нашему директору Кузьме Иосифовичу Найловичу. Он вместе с женой Валентиной Петровной жил при Лицее, и все 24 часа мы были у него на глазах. На все у него хватало времени, он преподавал и часто присутствовал на других уроках. Он и ночью ходил по спальням и проверял, спокойно ли мы спим и не шумим ли, не надеясь на воспитателей. Зимой он первый заливал наш каток, а весной благоустраивал нашу спортплощадку и все делал вместе с ребятами.

Ежедневно на вечерней молитве перед нашим роспуском на ночь он подводил итоги дня и делал наставления. Обычно он говорил: «Перевернем страничку своей жизни и поставим плюсы за свои хорошие дела за день и минусы за плохие». Беседа шла минут 30. Он внушал нам много и упорно учиться. Иногда любил давать советы из опыта своей жизни, например, чтобы не засыпать над книгой по ночам, надо ставить ноги в холодную воду. Конечно, он был строгим, требовательным. Но мы все любили его за справедливость, он был душой Лицея.

Вспоминаются хорошие времена, когда перед Пасхой говел весь Лицей. При Лицее была церковь, пел церковный хор мальчиков под управлением директора. Каждое песнопение шлифовалось до совершенства. Торжественно и нарядно церковь выглядела в Заутреню.

Вспоминаются и незабываемые яркие праздники «елки» на Рождество. Устраивались вечера, всегда к ним очень готовились, приглашали девочек. Каждый из нас имел задание, как и где встретить гостей, куда их проводить. Этикету и танцам нас обучала Валентина Петровна.

В Лицее я увлекался спортом и любил математику. Ее преподаватель Борис Николаевич Зайцев никому не ставил пятерки, однако, говорил: «За глаза одному Евгению Королеву ставлю 5, а Коменданту — 4», так что я иногда получал автомат.

Со мной вместе окончили Лицей в 1949 г. — это был третий выпуск: Игорь Маркос, Евгений Королев, Владимир Мухарицын, Михаил Суховольский, Дмитрий Овечкин и Петр Ширай. Я знаю, что Игорь Маркос живет в Кустанае, закончил университет, был тренером женской баскетбольной команды. Женя Королев учился со мной на горном факультете, сейчас живет в Ставрополе, ранее жил и работал в г. Березовске Свердловской области. Суховольский и Мухарицын закончили мединститут. Петр Ширай был нашей знаменитостью в Лицее, изучал латынь, очень увлекался насекомыми, переписывая целые книги.

Из второго выпуска 1948 г. помню Бориса Королева, Веню Бантоса, Олега Птицына, Евгения Пашкова, Деревяникова и Беляева. К сожалению, не могу назвать фамилии из первого выпуска Лицея в 1947 г.

Сам я окончил Горный институт в Мукдене, куда нас перевели после третьего курса ХПИ. Всю свою сознательную жизнь с 1954 г. проработал на шахте в Копейске, в том числе 24 года в должности директора. Шахта одна из крупных на Южном Урале, при мне насчитывалось до 2,5 тысяч человек. За время работы имел ордена и медали. И до сих пор с благодарностью вспоминаю свой Лицей.